

Цзя И, видя, что Сыянь всё еще не перестает тревожиться, мягко произнес:

– Давай сделаем так! Когда мы доберемся до Сяньяна и заработаем эти пятьсот медных монет, денег вполне хватит на полтора года нашей жизни вдвоем. Если в то время нам покажется, что в Сяньяне хорошо, мы останемся там. Если же решим, что там плохо, вернемся в родные места. В любом случае это лучше, чем возвращаться сейчас домой и голодать! Разве это не идеальное решение?

Сыянь, услышав такие слова, какое-то время не знала, как возразить, и с грустью произнесла:

– Я лишь боюсь, что, оказавшись в Сяньяне, муж уже не захочет оттуда уходить.

Цзя И ответил:

– В лучшем случае через месяц, в худшем — через полгода, как только мы сможем выкупить родовые поля, мы непременно вернемся. Не забывай, разве ты не обещала матушке бережно хранить семейное достояние? Поэтому я никому не позволю завладеть этими землями.

Стоило Цзя И упомянуть мать, как Сыянь внезапно горько зарыдала. Это застало Цзя И врасплох, но следом она резко кивнула, фактически соглашаясь с ним.

Конечно же, Цзя И вовсе не переживал о тех родовых полях — сказанное было лишь удобным предлогом. Сыянь рассказывала ему, что перед исчезновением матушка Цзя провела с ней долгий вечерний разговор и особо наказывала беречь семейные земли, дожидаясь возвращения Цзя И с отцом. Единственное, в чем Цзя И был уверен: перед исчезновением его мать определенно что-то узнала. К сожалению, они говорили лишь о повседневных мелочах и ничего по-настоящему важного не обсудили, так что Цзя И не мог сделать никаких выводов.

Вспоминая прошлое, Цзя И всегда чувствовал, будто перед его глазами всё затянуто пеленой тумана, которую невозможно прорвать. Слегка покачав головой и отбросив мрачные мысли, Цзя И прижал Сыянь к груди, ласково успокаивая ее, словно испуганного крольчонка. Они так и сидели в крепких объятиях, пока не стемнело. Наконец пришел служащий и передал приглашение: Юй Цзыци звал их разделить с ним ужин. Тогда Цзя И поднялся и, взяв Сыянь за руку, направился к палатке Юй Цзыци.

Войдя внутрь, они увидели, что четверо людей уже сидят на своих местах. Двое из них были братьями Юй, а третьим — уже знакомый им Юй Бао. Четвертым же оказался незнакомый седобородый старец солидных лет. Заметив, что Цзя И с супругой вошли, Юй Цзыци велел подавать еду. Супруги опустились на циновки, поджав под себя ноги, а слуги уже вынесли с десяток различных блюд. По одному лишь их виду становилось ясно, что Юй Цзыци подошел к делу с большим вниманием. Столкнувшись с такой щедростью со стороны человека, к которому он присоединился совсем недавно, Цзя И невольно стал относиться к Юй Цзыци еще лучше.

Юй Бао, видя, скольких трудов Юй Цзыци стоило расположить к себе Цзя И, затаил еще

большую зависть, но в присутствии хозяина лишь крепко сжимал зубы, не смея и пикнуть.

Едва начался ужин, старик представился. Он тоже был давним человеком в роду Юй и звался Юй Го. Все эти годы именно он вел все торговые дела клана. По сути, он и являлся настоящим руководителем этого каравана, в то время как братья Юй больше походили на юнцов, вышедших набраться опыта. Сделав кусочек еды, Юй Го как бы между прочим поинтересовался, где находится дом Цзя И. Сыянь ответила, что они из Фэнли. Юй Го лишь протяжно произнес «а» и не стал допытываться дальше.

Ужин прошел вполне приятно для обеих сторон. Поев, Цзя И спозаранку увел Сыянь обратно в их палатку, но там она лишь помогла ему постелить постель и тут же валилась с ног от усталости, заснув рядом. Это довело до скрежета в зубах парня, мечтавшего провести ночь в любовных утехах. Однако, глядя на несчастное лицо жены, Цзя И не мог проявить силу, а потому оставалось лишь рухнуть на ложе и провалиться в сон.

Он и сам не заметил, в какой момент заснул, а проснулся лишь на следующее утро от толчков Сыянь. Приведя себя в порядок и умывшись, они вышли наружу. Юй Цзыци и его люди уже готовились к отправлению. Сыянь определили в отряд Юй Мяои, где вместе с ней в повозках ехали несколько красавиц из Учжуна. Сам же Цзя И присоединился к конному отряду Юй Цзыци — коня для него слуги подготовили заранее. Цзя И вставил ногу в стремя, вскочил в седло, и весь караван с грохотом двинулся в сторону Сяньяна.

Не прошло и часа пути, как посреди ясного неба внезапно поднялся свирепый ветер. Взглянув на небо, Юй Го приказал слугам готовить дождевики.

Стоило воинам достать соломенные шляпы и плащи, как буря стихла. Наплыла туча, и прежде чем кто-либо успел сообразить, с неба хлынул проливной дождь. При таком ливне путникам обычно трудно даже передвигаться, но Юй Го не стал останавливать людей и велел продолжать движение сквозь непогоду. Так несколько десятков воинов под прикрытием более чем десятка повозок сплошным потоком шли вперед по большой дороге под дождем.

Сначала Цзя И был недоволен такой спешкой Юй Го, но, заметив, что остальные не высказывают ни единой жалобы, а сам он присоединился к каравану последним, промолчал. Глядя на водяную завесу перед глазами, Цзя И невольно вспомнил свое прошлое в наркобизнесе. Воспоминания вставали перед глазами так четко, словно всё происходило вчера, и на душе стало тоскливо и тяжело. Тряхнув головой, он отогнал эти угнетающие мысли: Цзя И прекрасно понимал, что в эту эпоху ему уже никогда не вернуться в тот мир.

Успокоившись, он снова переключил мысли на нынешний караван. Согласился он вовсе не ради пятисот медных монет от Юй Цзыци. Если уж он решил заняться контрабандой оружия, ему требовались связи и надежные пути, а раз Юй Цзыци сам шел ему в руки, упускать такую возможность было глупо. По крайней мере, какое-то время ему придется послужить телохранителем и заодно разведать дорогу!

Хотя сам ливень быстро ослаб, мелкий дождь моросил до самого вечера и прекратился только с

наступлением темноты. Хотя большой отряд целый день брел по раскисшей грязи, добраться до ночлега они так и не успели. Юй Го пришлось останавливаться прямо посреди пути, разбивать лагерь и разводить костры. Всадники спешили: одни доставали из повозок с десятков палаток, другие отправлялись рубить деревья в ближайшую рощу. Четкое разделение труда свидетельствовало о том, что люди прошли суровую выучку.

При всей внешней усталости воины не издали ни звука жалобы. Напротив, выпрыгнувшие из повозок женщины выглядели исключительно бодрыми. Как только воины установили большие котлы, женщины принялись готовить еду, попутно весело перешучиваясь и заигрывая с мужчинами.

Заметив стоявшего в стороне Цзя И, несколько женщин подбежали к Сыянь и принялись о чем-то шутиться, то и дело бросая на Цзя И кокетливые взгляды. Сыянь же яростно качала головой и ни за что не соглашалась на их уговоры. В конце концов девушки обиженно задрали носы, удалились и вернулись к баловству и забавам с воинами.

Настроение у Цзя И было скверным, и он решил немного прогуляться вокруг лагеря.

После дождя воздух казался невероятно чистым, а окрестности утопали в зелени.

Цзя И не мог не преисполниться глубоких чувств.

Природа всегда остается прекрасной. Видя этот сочно-зеленый, цветущий мир, неизменно чувствуешь мощный прилив живой энергии. Здесь, за исключением проторенных дорог, вокруг лежали нетронутые земли и простирались бескрайние первобытные леса. Горы на горизонте словно улыбались, а древние деревья уходили кронами в небо.

В эту эпоху пагубное влияние человека на природу еще только зарождалось. Совсем не так, как в двадцатом веке, где подобные места давно стерты с лица земли, из-за чего возмнившее себя мудрейшим человечество той поры пожинало горькие плоды, едва не дойдя до полного самоуничтожения.

Если бы он сумел изменить историю на своих глазах, изменилось ли бы всё грядущее вслед за ней? Цзя И испугался собственной мысли.

- Тсс!

Сжав рукоять длинного клинка, Цзя И резко обернулся и увидел, что из уже установленной палатки на него смотрит небритый мужчина средних лет, приложивший палец к губам в знак молчания.

Среди спутников человека с такой внешностью не было. Настороженно приблизившись, Цзя И в упор уставился на незваного гостя:

– Кто вы такой? И как оказались в нашей палатке?

Тот внезапно вскочил с земли, схватил его за руку и с перекошенным от напряжения лицом зашептал:

– Беги!

В тот момент, когда мужчина потянулся к нему, Цзя И рефлекторно выхватил из-за пояса меч. Блеснуло лезвие, мгновенно упершись прямо в горло незнакомцу.

Заметив столь бурную реакцию и выставленный клинок, оборванец ничуть не испугался.

Цзя И всё сильнее убеждался, что этот человек непрост. На первый взгляд обычный захват, в котором присутствовал элемент внезапности, оказался ему не под силу: его правая рука не успела увернуться, и незнакомец крепко зажал ее в своей хватке. Не считая того человека, что передал ему книгу с тайными техниками, этот субъект был сильнейшим из всех, кого Цзя И встретил до сих пор. Он превосходил воинов из Сяи во много раз.

Ободренный выпивкой бродягадохнул на Цзя И перегаром и отчаянно икнул; из-за чрезмерного употребления алкоголя его лицо покраснело. Помутившимися глазами он долго вглядывался в Цзя И, словно пытаясь что-то вспомнить, после чего зачастил с новой силой:

– Беги скорее, здесь опасно! Если замешкаешься хоть на мгновение, останется только ждать, пока те разбойники-головорезы разрубят тебя вместе с остальными на куски!

Сначала Цзя И принял его за ночлежного нищего, а заметив боевую выучку — за бандита, решившего напасть на лагерь, но никак не ожидал, что тот явился предупредить об опасности. Однако по выражению лица мужчины было заметно, что он не мелет вздор. Цзя И мгновенно похолодел внутри и спросил:

– То, что ты говоришь, правда?

Впрочем, он уже отчасти верил словам оборванца, просто еще не успел до конца во всем разобраться.

Услышав вопрос, бродяга снова остекленел взглядом, выпустил руку Цзя И, подхватил с земли глиняный кувшин с вином и сделал большой глоток. Свободно развалившись на земле, он снова сыто икнул, ткнул в Цзя И пальцем и произнес по слогам:

– Сегодня рано утром я покупал вино в Сяи и случайно заприметил, как несколько всадников сходились с шайкой местных головорезов. Старый безумец вроде меня держался неподалеку и расслышал кое-что. Стало известно, что сегодня кто-то собирается устроить засаду на людей из клана Юй, прибывших из Куайцзи. Зачем они это делают — ради женщин или

награбленного добра, старый безумец того ведать не может. Жаль только, что весь сегодняшний день лил дождь, поэтому бандиты не решились действовать. Но если завтра погода улучшится, то легкая смерть от меча покажется за счастье! А не повезет — так схватят, растопчут лошадиными копытами, и превратишься ты в кровавое месиво, вот тогда придется по-настоящему туго!

Цзя И всё понял. Он убрал меч в ножны и сказал бродяге:

– Разве обычные разбойники стоят того, чтобы их бояться? У нас есть свои способы справиться с ними. Иначе мы бы никак не смогли благополучно добраться сюда из Куайцзи, лежащей за тысячу ли отсюда.

Оборванец презрительно усмехнулся:

– Невежественный юнец! То в других округах власти выделяли отряды стражи в сопровождение, а разве выделил хоть единого воина этот округ Саньчуань?

После этих слов у Цзя И не осталось никаких сомнений. Желая как можно скорее передать эти сведения Юй Цзыци, чтобы тот успел подготовиться, он обратился к бродяге:

– Меня зовут Цзя И. Смею спросить имя старшего?

Бродяга сделал еще глоток вина, совершенно проигнорировав Цзя И, поднялся на ноги и зашагал прочь, бросив напоследок:

– Зови меня просто старым безумцем.

Не оглядываясь, он растворился в темноте ночи.

Стоя к нему спиной, Цзя И не мог заметить, как тот тихо бормотал себе под нос имя: Цзя И, Цзя И...

<http://bllate.org/book/21107/2142393>